

Я считаю, «Потрясающие приключения Кавалера & Клея» — одна из трех величайших книг моего поколения. Две другие — «Поправки» Джонатана Франзена и «Бастион одиночества» Джонатана Летема. Три моих ровесника, все публикуются — я выбираю их.

Брет Истон Эллис

Очень важная, щедрая, великолепно написанная книга, остроумная и богатая деталями. Мастерство автора творит с повествованием чудеса.

Чарльз Фрейзер
(автор «Холодной горы»)

Есть прекрасный роман, называется «Потрясающие приключения Кавалера & Клея». Он давным-давно погребен в кинопроизводственных недрах Голливуда. Вот если дойдет до съемок — это будет поистине работа моей мечты.

Бенедикт Камбербетч

Глубина, отточенный язык, изобретательность и отвага. Роман Шейбона — успех исполина.

The New York Times Book Review

Роман — абсолютно ух-ты-какой, суперколоссальный, остроумный, смешной, чистейшее удовольствие.

The Washington Post Book World

Не скажу наверняка, что такое «великий американский роман», но ручаюсь, что гигантский, своеобразный и пробирающий до глубины души роман Майкла Шейбона — это он и есть. Не отпускает с первой, эпически печальной, и до последней пронзительной фразы.

New York

Не книга, а восторг — гигантский и дерзкий роман... Мастерски достоверный, с великолепным юмором, персонажи до того объемны, что того и гляди шагнут со страниц в реальность.

Newsweek

Роман увлекательный в широчайшем смысле слова: сюжет неустанно подталкивает читателя вперед. Шейбон — писатель для читателя: его фразы окутывают тебя и нежно целуют на ночь.

Chicago Tribune

Майкл Шейбон написал громадную, восхитительно разнообразную фантазию, достоверную и непринужденную, в исторических декорациях головокружительного масштаба.

The New York Times

Одни книги читаешь ради сюжета, другие — ради стиля. В «Потрясающих приключениях Кавалера & Клея» и сюжет, и стиль великолепны, а это редкий случай.

USA Today

Лирично и тонко... детально прописано и порой расцветает восторженными пассажами.

Entertainment Weekly

Заряженная проза — преодолеваешь шестьсот страниц фантазии и социальной истории одним прыжком... Уникальные воображение, яркость и нежность.

Time

Величайшая работа Шейбона.

The New York Review of Books

Невероятно изобретательные и неожиданно трогательные «Потрясающие приключения Кавалера & Клея» — труд автора на пике таланта.

San Francisco Chronicle

В начале это один из самых приятных романов последних лет. В конце — один из самых пронзительных.

The Atlanta Journal-Constitution

Роман Майкла Шейбона — плод блистательного интеллекта, неоспоримого таланта и великого мастерства... триумф стилиста и рассказчика.

South Florida Sun-Sentinel

На сегодняшний день — крупнейшая и самая честолюбивая работа Шейбона. Прекрасная увлекательная книга — она полна радости жизни, она фантастична, но исторически правдива и написана пленительной, текучей, остроумной прозой.

Newsday

Стремительный, великолепно обставленный, лингвистически свободный роман, в котором мешаются веселье и меланхолия... мало того что это гипнотически завораживающий текст — над ним хохочешь до упаду, сглатывая ком в горле.

Memphis Commercial Appeal

Шейбон выходит на сцену в роли литературного Гудини. Зрители восхищенно ахают, автор возносится в первые ряды своего поколения писателей.

The Denver Post

Этот роман достоверен и прочувствован, разнообразен, громаден и приносит много радости — любой читатель будет в восторге.

Publishers Weekly

«Потрясающие приключения Кавалера & Клея» полны изысканных метафор и роскошных фраз, которыми заслуженно славится Шейбон.

The Philadelphia Inquirer

Это не просто роман об Американской Мечте — это роман о мечтателях, которые делятся мечтами, и он напоминает нам: счастье мечтать — не столько в самой мечте, сколько в понимании того, что мечтать мы умеем.

CNN.com

Эта книга полна радости, и в ней есть всё: богатый сюжет, живые персонажи, изобретательность и мощные доводы в защиту эскапизма.

Minneapolis Star Tribune

Мастерство концептуального гения... завораживающий роман-исполин.

Kirkus Reviews

Ослепительно. Шейбон не столько создает великий американский роман, сколько доносит до нас, что великий американский роман уже был написан — неделю за неделей он скромно выходил в облике героических комиксов.

Independent

Удалось ли Эскаписту и самому Шейбону освободить поработенных? Вы не уснете до четырех утра, желая узнать ответ.

Observer

Хочется промчаться сквозь этот роман, чтобы узнать, чем все кончилось, но не хочется, чтобы эта книга заканчивалась.

Mail on Sunday

Доказательство неизменного могущества сложного, серьезного, но превыше всего увлекательного повествования.

Times Literary Supplement

Сага, от которой не оторваться; Вторая мировая война глазами двух комиксистов.

Time Out

Уже сейчас Шейбон равен великим мастерам прошлого, вроде Апдайка или Беллоу. Каждое его слово стоит на правильном месте, безупречное, как проза Набокова и кадры Уэса Андерсона. Казалось бы, Гекльберри Финн велел плевать таким в суп и ставить подножки, однако Шейбон чудом умудряется быть умным, как Знайка, но своим, как Незнайка.

Афиша / Воздух

Шейбон настолько реалистично, увлекательно и подробно рассказывает об условном искусстве комиксов, что в придуманных героев немедленно начинаешь верить, а их приключениям — сопереживать. (...) Для кого-то основной темой книги станет не война и даже не комиксы, а отношения эмигранта с новой родиной. Возможность возвращения в Европу в романе не рассматривается. Европы для Кавалера с Клеем после войны нет, она перестала быть реальной. А вот Супермен, Бэтмен, Эскапист, Чудо-женщина и другие — реальнее не бывает.

Booknik

Романы Шейбона — это взрывная смесь из всего, что мы любим. Тут есть и обаяние идиша, и историческая тяжесть еврейской культуры, но все это сочетается с развлечениями самого верного толка: от детективов в жанре нуар до эскапистских комиксов. Это сочетание оказалось вполне революционно для американской культуры, четко пилящей аудиторию на умных и дураков. В 2001 году автор получил Пулицеровскую премию за свой самый известный роман «Потрясающие приключения Кавалера & Клея», в 2008-м — премию «Хьюго» за альтернативно-исторический «Союз еврейских полисменов». Эскапист у Шейбона — это такой Гудини наоборот, спасающий не себя, а других. Но чудесное спасение может существовать только на бумаге.

The Village

«Кавалер & Клей» — по-англосаксонски остроумная и по-еврейски трогательная двойная биография рисовальщика комикса и автора текстов, унтерменшей, выдумавших сверхчеловека. За «Кавалера & Клея» писатель Шейбон получил Пулицеровскую премию, и неудивительно: здесь налицо все признаки «великого американского романа»... Никто уже никогда не состроит презрительную мину, когда в его присутствии зайдет речь о комиксах; автору «Приключений» удалось создать лучшую из возможных апологию этого искусства, дисквалифицировать которое можно только по невежеству. Роман Шейбона из тех, что можно брать с собой

в гроб — не соскучишься; сорока-с-чем-то-летний писатель, уже сейчас видно, — один из верховных големов американской литературы, слепленный из той же глины, что Рот, Джон Барт и Апдайк; и, независимо от того, написано ли у него на лбу слово ЭМЕТ («правда»), он и так живой, сто процентно.

Лев Данилкин (Афиша)

Моему отцу

У нас, понимаете, большой опыт невозможных выходов из безвыходных ситуаций.

*Уилл Айснер,
в частной беседе*

Как ускользнул!

*Натаниэль Готорн.
Уэйкфилд*

ЧАСТЬ I

ЭСКАПОЛОГ



В последующие годы, разглагольствуя перед интервьюером или залом стареющих поклонников на каком-нибудь комикс-конвенте о своем величайшем — общем с Джо Кавалером — творении, Сэм Клей утверждал, что в детстве, будучи связан по рукам и ногам, запечатан в герметичном сосуде под названием Бруклин, Нью-Йорк, он неотвязно грезил о Гарри Гудини.

— Для меня Кларк Кент в телефонной будке и Гудини в ящике — одна и та же история, — авторитетно рассуждал Клей на «Уандерконе», в Ангулеме или в беседе с редактором «Комикс джорнал». — Зашел один человек, вышел другой. Первый трюк Гудини, кстати, в самом начале карьеры. Назывался «Метаморфоза». Дело-то всегда не только в побеге. Дело еще в *преображении*.

Хотя, если честно, в детстве Сэмми интересовался Гарри Гудини и его легендарными подвигами разве что между прочим; величайшими его героями были Никола Тесла, Луи Пастер и Джек Лондон. И однако, история Сэмми о том, какую роль он — и его фантазия — сыграли в рождении Эскаписта, походила на правду, как и все лучшие его измышления. Грезы Сэмми и впрямь были сродни чудесам Гудини, — грезы куколки, что слепо бьется в коконе, отчаянно жаждая света и воздуха.

Гудини — герой маленьких человек, городских мальчишек и евреев; Сэмюэл Льюис Клейман был и тем, и другим, и третьим. Приключения начались, когда ему стукнуло семнадцать; он был тогда треплив, не так шустр,

как воображал, и, подобно многим оптимистам, несколько впечатлителен. По любым общепринятым меркам не красавец. Лицо — перевернутый треугольник: лоб широк, подбородок остр, надутые губы и задиристый приплюснутый нос. Сгорбленный, не умеет носить одежду; вид всегда такой, будто у него только что отняли деньги на обед. Каждое утро Сэмми выходил к миру с безволосой щекой воплощенной невинности, но к полудню чистое бритье оставалось не более чем воспоминанием, хотя бомжеватая полутень на подбородке особо не добавляла ему крутизны. Сам он полагал себя уродом, но это потому, что никогда не видал своего лица в неподвижности. Почти весь 1931 год он развозил «Игл», чтобы купить набор гантелей, и затем восемь лет тягал их каждое утро, пока руки, грудь и плечи не стали сильны и жилисты; после полиомиелита ноги у него были как у хрупкого мальчика. В носках он был ростом пять футов пять дюймов. Как и все его друзья, обзывательство «пижон» он считал за комплимент. Он располагал неверными, однако пламенными представлениями о том, как устроены телевидение, атомная энергия и антигравитация, и питал амбицию — одну из тысячи — закончить свои дни на теплых солнечных пляжах Великого Полярного океана Венеры. Читателем был всеядным, со склонностью к самосовершенствованию — с удовольствием поглощал Стивенсона, Лондона и Уэллса, по обязанности старательно осваивал Вулфа, Драйзера и Дос Пассоса, жарко почитал С. Дж. Перельмана, режимом самосовершенствования маскируя обыкновенную виноватую жадность. В его случае тайную страсть — ну, одну из многих — разжигали двухцентовые сокровищницы крови и чудес: бульварная литература. Он отыскал и прочел все выпуски «Тени», выходявшие с 1933 года (раз в две недели), и собрал почти полную коллекцию «Мстителя» и «Дока Сэвиджа».

Долгоиграющие приключения Кавалера & Клея — и подлинная история рождения Эскаписта — начались

в 1939-м, ближе к концу октября, вечером, когда мать Сэмми ворвалась в его спальню, железобетонными костяшками левой руки с кольцом заехала ему в висок и велела подвинуться, освободить в постели место для пражского кузена. Сэмми сел; в челюстных суставах отдавался пульс. В мертвенном свете флуоресцентной лампы над кухонной раковиной он разглядел хрупкого юношу, примерно сверстника, что вопросительным знаком привалился к косяку, под мышкой зажимая раздрызганную пачку газет, а другой рукой прикрыв лицо, словно от стыда. Это, объявила миссис Клейман, услужливо пихнув Сэмми к стене, Йозеф Кавалер, сын ее брата Эмиля, он на «грейхаунде» приехал сегодня в Нью-Йорк аж из Сан-Франциско.

— А что с ним такое? — спросил Сэмми. Он отодвигался, пока плечами не уперся в холодную штукатурку. И не забыл прихватить обе подушки с собой. — Он что, болеет?

— А сам-то как думаешь? — отвечала мать, хлопнув по освободившемуся простору простыни, точно выбивая частицы Сэмми, которыми он там, вероятно, намусорил. Мать только что вернулась домой, отрубив последнюю ночь в двухнедельной череде ночных смен в «Бельвью», где работала психиатрической медсестрой. От нее несло больничной затхлостью, но из расстегнутого ворота медицинской формы слабо пахивало лавандовой водой, которой мать поливала свое тщедушное тельце. Естественный ее аромат был прян и резок, вроде свежей карандашной стружки. — Он на ногах еле стоит.

Поверх ее головы Сэмми пристальнее воззрился на бедняжку Йозефа Кавалера, в мешковатом твидовом костюме. Сэмми смутно знал, что у него есть чешские кузены. Но мать ни словом не обмолвилась, что они заявятся в гости и тем более лягут спать в одной постели с Сэмми. При чем тут Сан-Франциско — поди догадайся.

— Ну вот, — сказала мать, выпрямившись; она впихнула Сэмми в крайние пять дюймов на дальнем востоке матраса и, похоже, была довольна. Обернулась к Йозефу Кавалеру. — Иди сюда. Я тебе кое-что скажу. — Она схватила его за уши, точно кувшин за ручки поднимала, и губами втиснулась ему в обе щеки по очереди. — Ты выбрался. Понял? Ты приехал.

— Понял, — ответил ей племянник. Кажется, она его не убедила.

Она вручила ему полотенце и отбыла. Едва она вышла за дверь, Сэмми отвоевал несколько драгоценных дюймов матраса, а кузен между тем стоял и потирал изувеченные щеки. Затем миссис Клейман выключила свет в кухне, и оба остались в темноте. Сэмми слышал, как кузен глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Кипа газетной бумаги зашелестела и с пораженческим стуком тяжко грохнулась на пол. Пуговицы пиджака шелкнули о спинку стула; брюки зашуршали, когда кузен из них вылез; он уронил один ботинок, затем другой. Наручные часы звякнули колокольчиком о стакан на тумбочке. Затем кузен и порыв холодного воздуха вместе нырнули под одеяло и принесли с собой запах сигареты, подмышки, сырой шерсти и чего-то еще, сладкого и ностальгического, что ли, — Сэмми мигом распознал в дыхании кузена чернослив из остатков материнной «особой» мясной запеканки (чернослив — не самое особое, что запекалось в этом мясном слитке), которую у него на глазах мать завернула в вошеную бумагу, точно посылку, и на тарелке заперла в холодильник. Выходит, знала, что сегодня приедет племянник, даже поджидала его к ужину, а Сэмми не сказала ни слова.

Йозеф Кавалер устроился на матрасе, разок откашлялся, закинул руки за голову и застыл, будто его выключили из розетки. Он не ворочался, не ерзал, даже пальцем на ногу не пошевелил ни разу. Громко тикал «Биг-Бен» на тумбочке. Дыхание Йозефа загустело и замедлилось.

Сэмми уже недоумевал, как человек способен так безудержно засыпать, и тут кузен заговорил.

— Как только я принесу деньги, я найду себе жилье и уйду из постели, — сказал он. Акцент у него отдавал немецким и кое-где морщился шотландскими складками.

— Это будет мило, — сказал Сэмми. — Хорошо говоришь по-английски.

— Спасибо.

— Где учился?

— Я бы хотел не рассказывать.

— Это секрет?

— Это личное.

— А что ты делал в Калифорнии? — спросил Сэмми. — Можешь сказать? Или это тоже конфиденциальные данные?

— Я приплыл из Японии.

— Из Японии!

От зависти Сэмми замутило. Он на своих ножках-соломинках не доходил дальше Баффало, не пересекал ничего коварнее ядовито-зеленой бздливой ленты, отделявшей Бруклин от острова Манхэттен. На узкой койке, в спальне немногим шире этой койки, в глубине квартиры, в доме сугубо для нижних слоев среднего класса на Оушен-авеню, под бабусин храп, что сотрясал стены, точно проезжающий трамвай, Сэмми мечтал обыкновенные бруклинские мечты о побеге, и преобразении, и спасении. Грезил он с лютой изобретательностью, превращал себя в крупного американского романиста, или в знаменитого интеллектуала, вроде Клифтона Фейдимена, или, скажем, в героического врача или же тренировкой либо чистой силой воли развивал ментальные способности, что подарят ему сверхъестественную власть над людскими сердцами и умами. В ящике стола у него лежали — и уже довольно давно — первые одиннадцать страниц толстого автобиографического романа, которому предстояло называться либо (а-ля Перельман)

«Сквозь тусклое стекло, гад», либо (а-ля Драйзер) «Американское крушение иллюзий» (предмет, относительно которого Сэмми пока пребывал более или менее в неведении). Он потратил неловко сказать сколько часов на безмолвное сосредоточение — хмурил лоб, затаивал дыхание, — дабы развить латентные способности мозга к телепатии и контролю над сознанием. По меньшей мере десять раз Сэмми в восторге перечитал «Охотников за микробами», эту «Илиаду» медицинского героизма. Но, подобно многим уроженцам Бруклина, он полагал себя реалистом и, как правило, планы побега строил вокруг обретения сказочных денежных сумм.

С шести лет он ходил по домам, торгуя семечками, шоколадными батончиками, комнатными растениями, чистящими жидкостями, средствами для полировки металла, журнальными подписками, вечными расческами и шнурками. В лаборатории а-ля Жарков на кухонном столе он изобретал почти рабочие модели пришивателя пуговиц, двойных бутылочных открывашек и нетепловых утюгов. В последние годы его предпринимательские интересы обратились к сфере профессиональной иллюстрации. Великие коммерческие иллюстраторы и карикатуристы — Рокуэлл, Лейендекер, Реймонд, Канифф — достигли зенита, и в целом складывалось впечатление, будто человек за чертежным столом способен не только неплохо подзаработать, но и переменить саму текстуру и тональность общенародного настроения. У Сэмми в шкафу хранились штабеля грубой газетной бумаги, кишевшей лошадьми, индейцами, футбольными кумирами, разумными приматами, «фоккерами», нимфами, лунными ракетами, ковбоями, сарацинами, тропическими джунглями, гризли, а также этюды со складками женской одежды, вмятинами мужских шляп, бликами человеческих радужек, облаками в небесах Запада. Перспектива ему давалась с трудом, человеческую анатомию он знал условно,

штрихи его зачастую были схематичны — однако он умел ловко воровать. Он вырезал любимые полосы и панели из газет и комиксов и клеивал их в толстую тетрадь — тысячи всевозможных образчиков поз и стилей. Своей библией вырезок он обильно воспользовался, составив поддельный комикс «Терри и пираты» под названием «Южно-Китайское море», добросовестно нарисованный под великого Каниффа. Он скопировал Реймонда, сочинив нечто под названием «Первоцвет планет», и Честера Гулда — в комиксе про фэбээровца с квадратным подбородком «Кастет Дойл». Он лямзил у Хогарта и Ли Фока, у Джорджа Херримана, Гарольда Грея и Элзи Сегара. Образцы своих стрипов он хранил в толстой картонной папке под кроватью и ждал, когда ему выпадет возможность, самый главный его шанс.

— *Из Японии!* — повторил он; голова шла кругом от экзотических, под Каниффа, ароматов этого слова. — *А там ты что делал?*

— В основном страдал жалобами на кишечное расстройство, — отвечал Йозеф Кавалер. — И до сих пор страдаю. Особенно по ночам.

Сэмми поразмыслил над этой информацией и чуточку отодвинулся к стене.

— Скажи мне, Сэмюэл, — сказал Йозеф Кавалер. — Сколько примеров должно быть в моем портфолио?

— Не Сэмюэл. Сэмми. Не, лучше Сэм.

— Сэм.

— В каком портфолио?

— Портфолио моих рисунков. Показать твоему начальнику. К сожалению, я вынужден оставить всю свою работу в Праге, но очень быстро смогу нарисовать новую, и она будет страшно хороша.

— Моему боссу? — переспросил Сэмми, в своем смятении отчетливо различая отпечатки материнских трудов. — Ты про что?

— Твоя мать предполагала, что ты поможешь мне найти место в компании, где работаешь. Я тоже художник.

— Художник. — И Сэмми вновь позавидовал кузену. Сам он способен был сделать такое заявление, лишь вперив жульнический взгляд в собственные башмаки. — Мать тебе сказала, что я художник?

— Дизайнер, да. Работаешь на корпоративную компанию «Империя игрушек».

На миг Сэмми ладонями обнял вспыхнувший внутри огонек, разожженный этим, через вторые руки переданным, комплиментом. А потом задул.

— Она несла дичь.

— Что?

— Она нагородила ерунды.

— Что она сделала?

— Я складской клерк. Иногда мне разрешают сделать оригинал-макет для рекламы. Или, если у них новый товар, я рисую иллюстрацию. Платят по два доллара за штуку.

— А.

Йозеф Кавалер снова испустил долгий выдох. Он по-прежнему не шевельнул ни мускулом. Сэмми так и не решил, чем объяснить эту совершенную неподвижность — нестерпимым напряжением или поразительным спокойствием.

— Она писала письмо моему отцу, — предпринял новую попытку Йозеф. — Я помню, как она говорила, что ты создаешь дизайн восхитительных новых изобретений и устройств.

— И угадай что?

— Она принесла дичь.

Сэмми вздохнул — дескать, так и обстоит дело, увы; покаянный, многострадальный вздох — и притворный. Несомненно, мать, когда писала брату в Прагу, полагала, что рассказывает правду: это Сэмми последний год нес

дичь, приукрашивая свою черную работу в «Империи игрушек» и перед матерью, и перед любимым, кто готов был слушать. На миг Сэмми смутился — не потому даже, что его вывели на чистую воду и пришлось сознаваться кузену в своем низком положении, но потому, что в мультиокулярной материнской лупе обнаружился изъян. Затем он подумал, что мать, может, ничуть не обмануло его хвастовство, — может, она и *рассчитывала*, что он вопиюще приукрашивает свое влияние на Шелдона Анапола, владельца «Империи игрушек». Если Сэмми намерен и дальше носить маску, в которую вложил столько болтовни и выдумки, завтра вечером он прямо-таки обязан в грязных пальчиках низменного складского клерка при- тащить работу для Йозефа Кавалера.

— Я попробую, — сказал он, и в этот самый миг вспыхнула первая искорка, просквозила щекотка возможностей вдоль хребта.

Очень долго оба молчали. На сей раз Сэмми чувствовал, что Йозеф не спит, почти различал капиллярную струйку сомнений, что просачивалась в Йозефа, тяжким грузом вжимала его в матрас. Сэмми пожалел парня.

— Можно тебя спросить? — сказал он.

— О чем меня спросить?

— А газеты зачем?

— Это ваши газеты Нью-Йорка. Я купил их на автобусной станции «Кэпитол».

— Сколько?

Тут Йозеф Кавалер впервые заметно вздрогнул:

— Одиннадцать.

Сэмми быстренько подсчитал на пальцах. Восемь городских ежедневных. Десять, если вместе с «Иглом» и «Хоум ньюс».

— Мне одной недостает.

— Недостает?..

— «Таймс», «Геральд трибюн», — Сэмми коснулся кончиков двух пальцев, — «Уорлд телеграм», «Джор-

нал-америкэн», «Сан». — Теперь другая рука. — «Ньюс», «Пост». Ну-у, «Уолл-стрит джорнал». И «Бруклин игл». И «Хоум ньюс» в Бронксе. — Он уронил руки на матрас. — А одиннадцатая какая?

— «Женщина в наряде».

— «Женские наряды»?

— Я не знал, что она такая. Для одежды. — Он посмеялся над собой — испустил череду кратких скрежетов, точно горло прочищал. — Я искал что-нибудь о Праге.

— Нашел? Наверняка в «Таймс» что-то есть.

— Кое-что. Немного. О евреях ничего.

— О евреях, — повторил Сэмми, начиная понимать. Йозеф надеялся получить известия не о последних дипломатических маневрах в Лондоне или Берлине и не о последнем зверском выпендреже Адольфа Гитлера. Он искал заметку о положении семьи Кавалер. — Ты знаешь еврейский? Идиш. Знаешь идиш?

— Нет.

— Это жалко. У нас тут, в Нью-Йорке, четыре еврейские газеты. Может, там что-то есть.

— А немецкие газеты?

— Не знаю, но должны быть. Немцев тут пруд пруди. Маршируют и митингуют по всему городу.

— Понимаю.

— Переживаешь за родных?

Ответа не последовало.

— Они не смогли уехать?

— Нет. Пока нет. — Сэмми почувствовал, как Йозеф резко потрянул головой, словно закрывая эту тему. — Я нахожу, что выкурил все мои сигареты, — продолжал он нейтральным тоном английского разговорника. — Может быть, у тебя...

— Да я перед сном выкурил последнюю, — сказал Сэмми. — Эй, а ты откуда знаешь, что я курю? От меня пахнет?

— Сэмми, — окликнула его мать, — спи.

Сэмми обнюхал себя:

— Ха. Интересно, Этель тоже чует? Ей не нравится. Если охота курить, приходится лезть в окно — вон туда, на пожарную лестницу.

— Нельзя курить в постели, — сказал Йозеф. — Еще одна причина из нее уйти.

— И не говори, — сказал Сэмми. — Помираю, так хочу жить отдельно.

Они полежали, томясь по сигаретам и по всему, что это томление в совершенной своей фрустрации стучало и воплощало.

— Твоя пепельная коробка, — наконец сказал Йозеф. — Пепельница.

— На пожарной лестнице. Это растение.

— Может, в ней есть... *špaček?.. kíppe?..* куры?

— Окурки, что ли?

— Окурки.

— Ну, небось есть. Не говори, что ты будешь курить...

Ни с того ни с сего, кинетическим рывком, противоположностью и продуктом абсолютной праздности, что непосредственно ему предшествовала, Йозеф скатился с постели. Глаза у Сэмми уже привыкли к темноте — да и темнота никогда не бывала кромешна. Кромка сероголубого излучения кухонной флуоресцентной лампы окаймляла дверь спальни и перемешивалась с бледным лучом ночного Бруклина — сложносоставной смесью из нимбов уличных фонарей, трамвайных и автомобильных фар, огней трех действующих в округе сталелитейных заводов и отраженного блеска островного царства за рекой — что косо вонзался в щель между занавесками. Сэмми в этом слабом сиянии — тошнотворном ровном свете бессонницы, не иначе, — понаблюдал, как кузен методично обыскивает карманы одежды, которую так аккуратно повесил на спинку стула.

— Лампа? — прошептал Йозеф.